

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

А.Ю. Дунаева

ПОЛИЦИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.: УСЛОВИЯ СЛУЖБЫ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Революция 1905–1907 гг. показала остроту не только аграрного и рабочего вопросов, но и проблем материального обеспечения, обучения и службы тех, на ком, собственно, и держалось величественное здание Российской империи. Прежде всего – земских начальников, чиновников губернских правлений и полицейских. Отчеты московского губернатора В.Ф. Джунковского, материалы сенатской ревизии московского градоначальства дают возможность наглядно представить себе, насколько мало верховная власть заботилась о своих местных представителях. Особенно бедственным, учитывая их разнообразные обязанности, часто связанные с риском для жизни, было положение чинов местной полиции.

Это стало очевидным в дни Декабрьского вооруженного восстания, которое московская полиция встретила фактически безоружной. 12 декабря генерал-губернатор Ф.В. Дубасов распорядился немедленно вооружить городских московской полиции ружьями из артиллерийского склада и патронами¹. Новый градоначальник А.А. Рейнбот, вступивший в должность в начале 1906 г., в своем отчете сенатской ревизии писал: «При ближайшем ознакомлении оказалось, что полиция не только не обучена, но почти безоружна. Так, имелись на вооружении однозарядные ружья Бердана, и то выданные лишь в декабре по приказанию генерал-адъютанта Дубасова; на 4 000 городских имелось 1 332 револьвера старой системы Смита и Вессона, большинство коих в неисправном виде, и ни к чему не пригодные шашки по 2 р. 20 коп. штука. Околоточные надзиратели, за исключением нескольких, запасшихся конфискованным оружием, револьверов не имели. Такое вооружение было в ту минуту, когда полицию расстреливали на улицах из револьверов самых последних систем, когда полиция ходила каждую ночь на обыски и аресты, заведомо зная, что зачастую встретит жестокое вооруженное сопротивление»².

Рейнбот привел в пример городского: явившись на смену в штатском платье, тот переоделся на улице в форменную шинель напарника, взял его оружие и встал на пост. «Проверяя наружные посты, – писал градоначальник далее, – я застал в Сретенском арестном доме постового в штатском платье с пистонным ружьем в руках, к которому не было никаких огнестрельных припасов»³.

Полицейские, по мнению Рейнбота, не только не были приучены к каким-либо активным действиям, но даже к простому исполнению приказаний: «Нижние чины в начальство мало верили, и я не был спокоен, что в критическую минуту они пойдут за мной. Между тем настроение города было крайне тревожно, население не верило во власть и не считало ее достаточно сильною, чтобы обеспечить порядок в городе и охранить интересы его обывателей»⁴.

Для вооружения городских Рейнбот приказал выдать приставам деньги в виде наградных из остаточных сумм личного состава и купить на них 900 револьверов системы Нагана и патроны к ним. Ассигновав околоточным надзирателям стоимость револьверов в виде наградных, приказал им купить 375 револьверов системы Смита и Вессона, городовым по его ходатайству перед командующим войсками берданки были заменены 3-линейными винтовками.

Немедленного улучшения требовало не только вооружение, но и условия труда полицейских. Во время ожидавшихся беспорядков или волнений в городе, по словам Рейнбота, городовые собирались в участке, где проводили ночь и более одетые, валяясь на полу и не имея даже возможности не только получить горячую пищу в участке, но даже выпить чаю, за которым они бегали в ближайшие трактиры. «Я приказал во всех участках завести самовары и чайные приборы, а начальнику резерва выдать 600 рублей авансом на снабжение в таких случаях городовых чаем и сахаром. Все эти расходы произведены из остаточных сумм в виде наградных приставам и начальнику резерва», – так оправдывал свои расходы градоначальник. «Зимою в большие морозы городовые, стоя на поту, закутывали себе голову башлыками... Ввиду именина больших остаточных сумм, я решил побаловать низших чинов и приказал купить на весь наличный состав городских барашковые воротники, вписав стоимость их в виде наградных»⁵.

Описывая условия служб приставов и их помощников, Рейнбот отмечал, что большим подспорьем для них служат подарки от обывателей. Он подразделил их на «подарки со сделкою с совестью и на подарки со сделкою с самолюбием». «Карая жестоко первые, волей неволей пришлось мириться со вторыми, глубоко укоренившимися в Москве, контроль над которыми совершенно невозможен», – признал градоначальник⁶. Он предпринял жесткие меры: «Целый ряд... был мною уволен за некорректность в денежном отношении. Но, к сожалению, оклады, установленные штатами, столь мизерны... что не могут удовлетворить самым насущным потребностям жизни интеллигентной, хотя бы даже немногочисленной, семьи», – подытожил Рейнбот⁷.

Если московский градоначальник в своем отчете сенатору Н.П. Гарину, проводившему ревизию, прежде всего подчеркивал бедственность положения полицейских, оправдывая «нецелевую» трату казенных денег, то губернатор Джунковский в своих отчетах Николаю II подчеркивал самоотверженность и энергию полиции в борьбе с врагами самодержавия. Но и Джунковский не стал скрывать от императора, что крайняя недостаточ-

ность содержания, получаемого полицейскими, вынуждает их искать другие источники дохода.

В отчете за 1906 г. он указывал, что полицейские вынуждены затрачивать личные средства на канцелярию. И далее писал: «Неимение же свободных денег обращает их к незаконным поборам, например за прописку паспортов. Роняя свою честь, они роняют в то же время достоинство и авторитет правительственной власти. Есть только один способ исправить положение: издать для полиции новые штаты, согласованные с возросшей повсеместно дороговизной жизни и размерами служебного труда»⁸.

Джунковский всегда поддерживал чинов полиции морально, лично отдавал последний долг городовым, погибшим при исполнении служебных обязанностей, посещал семьи убитых. Это вошло в его практику еще с 1902 г., когда он был заместителем председателя Московского попечительства о народной трезвости. «Несчастный городской, старик 72 лет, стоявший на посту около Народного дома попечительства, упал замертво, – вспоминал он, – я приказал запереть народный дом до окончания похорон и всем служащим быть на похоронах. Я сам приехал на похороны и возложил на гроб венок от попечительства», – писал он⁹.

Джунковский вносил свои предложения по улучшению материального обеспечения чинов полиции. «Я разработал для полиции Московской губернии проекты новых, согласованных с изменившимися условиями жизни, штатов, каковые и представил министру внутренних дел. В основание проектов положены ходатайства об увеличении численного состава и о повышении окладов содержания чинов ее», – писал он в отчете императору за 1907 г.¹⁰ Однако их осуществление задерживалось разработкой общей реформы полицейских учреждений в империи.

Джунковский, как и Рейнбот, старался поощрять полицейских за счет наградного фонда. Приказ губернатора по личному составу от 8 января 1909 г. гласил: «9 минувшего декабря близ станции «Нара» от трактира Матвеева была угнана запряженная в сани лошадь, принадлежащая крестьянину Николаю Оськину. Полицейский сторож села Наро-Фоминского Зиновьев получил сведения о происшедшем, на другой лошади Оськина немедленно бросился за конокрадами, настиг их в трех верстах от «Нары» и задержал. За проявленную сторожем Зиновьевым находчивость, быстроту и смелость действий объявляю ему благодарность и назначаю награду 10 рублей, выданы каковые будут по моей канцелярии». 19 мая 1909 г., объявляя «спасибо» за молодечество городовому Воскресенской команды Егорову, зарубившему шашкой появившуюся в городе бешеную собаку, губернатор предложил своей канцелярии выдать тому в награду 3 рубля. В этот же день тому же городовому за задержание преступника, похитившего корову в имении Пеговой, было объявлено «спасибо» с выдачей ему в возмещение расходов по розыску 10 руб.¹¹

Однако в том же 1909 г. сумма, предназначенная для выдачи наград и пособий наиболее нуждающимся и отличившимся по службе полицейс-

ким чинам, была сокращена вдвое. Джунковский настаивал на том, что необходимо отпускать в распоряжение начальника губернии сумму, достаточную для выдачи наград и пособий хотя бы наиболее нуждающимся и достойнейшим из чинов полиции. Он особо подчеркивал, что «увеличение... даст ему возможность более строго относиться к незаконным вознаграждениям, от которых полиция не имеет возможности отказаться». Пока же ему оставалось лишь уповать на то, что «предстоящая реформа полиции, стремящаяся устранить указанные недостатки, явилась бы справедливым награждением полиции за ее непоколебимую верность Престолу, беззаветный патриотизм и кровь, пролитую многими в ее рядах в борьбе с врагами государства»¹².

В 1910 г. в очередной раз докладывая императору, что «бедственность положения некоторых чинов полиции принимает совершенно нетерпимые размеры», Джунковский привел в пример полицейского надзирателя одной из крупнейших фабрик в России – Богородско-Глуховской мануфактуры, который получал, согласно действующему штату, квартиру от фабрики и 650 руб. в год. Между тем на содержание одной канцелярии он вынужден был расходовать ежегодно не менее 1 300 руб. У занимавшего эту должность в течение 10 лет титулярного советника Даниловского была обнаружена крупная растрата вверенных ему по службе сумм. Чтобы избежать бесчестья ареста и суда, полицейский застрелился. Губернатор писал далее: «Дабы не ставить заместителя его в столь же безвыходное положение, я вошел в соглашение с фабрикой об уплате в пользу канцелярии Полицейского Надзирателя по 10 коп. за прописку каждого паспорта, хотя таковой сбор и не предусмотрен законом»¹³. Напротив этого абзаца Николай II написал: «Такое положение не подымает престижа власти»¹⁴.

Однако положение полиции Московской губернии от этого не изменилось. «Как и прежде, все чины ее самоотверженно и с отменным усердием несут сложные обязанности службы, ожидая лучшего времени, когда изменятся материальные условия их жизни и облегчен будет непомерный труд, выпадающий ныне на их долю», – писал Джунковский в отчете за 1911 г. «Я все же имею возможность путем экономии в соответствующем кредите изыскивать средства для выдачи наиболее нуждающимся чинам ее пособий. В значительно худшем положении находятся старшие чины уездной полиции... сознание, что расходы, связанные с переездом из одного уезда в другой, могут быть непосильны, заставляют меня отказаться от подобных перемещений, что весьма вредно отражается на состоянии полицейского дела в губернии»¹⁵.

Непрестижность полицейской службы, неуважение, пренебрежительность, а то и враждебность местного населения приводили к тому, что многие чины полиции стеснялись носить полицейскую форму и стремились сделать ее похожей на офицерскую. «Не может быть, по-видимому, сомнения в том, что полицейский чин, стремящийся подражать офицерскому обмундированию, обнаруживает этим недовольство не только присво-

енной его службе формой, но и самым характером этой службы и положением ее в обществе и государстве, – отмечал Джунковский в приказе от 20 октября 1909 г. «Ошибочность подобного взгляда совершенно очевидна. Роль, отведенная законами полиции, ответственна, серьезна и почетна, и полицейский чин, добросовестно и с энергией исполняющий свои обязанности, вызывает всегда общее к себе уважение. Необходимо, конечно, при этом, чтобы чины полиции держали себя во всех случаях независимо и с достоинством. Пренебрежение полицейской формой и желание подражать офицерскому обмундированию может быть объяснено только отсутствием личного достоинства»¹⁶.

На отчете за 1912 г. напротив замечания Джунковского, что «все чины полиции... исполняли обязанности своей службы, ожидая лучшего времени... когда реформа улучшит материальные условия их жизни, граничащие ныне с крайней бедностью», Николай II написал: «Надеюсь, очень скоро»¹⁷.

Джунковский должен был оставить свой пост в начале 1913 г. На протяжении всего его губернаторства, с 1905 по 1912 гг., в положении полицейских чинов ничего не изменилось. Обращаясь ко всем старшим и младшим чинам уездной полиции в своем последнем приказе от 27 января 1913 г., он писал: «Имена многих лиц, доблестно павших на своем посту, ярко свидетельствуют о том, чем мы обязаны все чинам уездной полиции. С благодарностью признает также население, что уездная полиция всегда самоотверженно исполняла свою первейшую обязанность – оказывать быструю и действенную помощь людям, застигнутым каким-либо несчастьем. Тот, кто видел действия Московской Губернской полиции в критические моменты (наводнение, пожары), не бросит ей тяжелого укора за отдельные проступки, тем более что виновными в них явились лица, а не учреждение, выполняющее доблестно поставленные ему законом задачи»¹⁸.

Конечно же, Джунковский выдавал желаемое за действительное: дело было именно в учреждении, а не в людях, которые продолжали, выполнять свои служебные обязанности часто вопреки здравому и естественному желанию жить и работать в условиях, достойных тяжести их «государевой службы». Ведь положение полицейских чинов московской губернии ничем не отличалось от положения их коллег в других губерниях империи.

Нельзя не согласиться с американским исследователем Р. Роббинсом, который утверждает, что полиция должна была отвечать за все, не получая взамен ничего. По его данным, в начале XX в. размеры оплаты, установленные еще 60-е гг. XIX в., были совершенно несопоставимы с прожиточным минимумом, составляя максимум 1 500 руб. в год. Условия, в которых приходилось работать, также были плачевны. Все это вело к тому, что на службу поступали люди, которые не были способны ни на что другое. В начале 1900-х гг. только 3 % всех полицейских начальников имели высшее образование и 21 % – среднее. Ситуация со станowymi приставами и урядниками была еще более плачевной: некоторые из них едва умели читать. Большинство полицейских были бывшими солдатами, не получившими

продвижения и уволенные из армии. Человек, который не мог командовать даже небольшим воинским подразделением, зачастую должен был отвечать за безопасность, а то и жизнь тысяч людей. Большая текучесть кадров, коррупция, некомпетентность – таковы были основные черты местной полиции. Даже самый решительный губернатор, в чьих руках находилась полиция, без сомнения, должен был понять безнадежность ситуации с коррупцией и злоупотреблением властью в полиции¹⁹.

В такой ситуации неизбежны были и забастовки самих полицейских. В 1905 г. объявили забастовку доведенные до отчаяния городовые Екатеринослава. Бастовали и нижние чины одесской полиции, пытаясь привлечь внимание все к тем же проблемам: переутомлению, вызванному слишком интенсивной службой, и нехватке жалования. Наместник императора на Кавказе докладывал в Департамент полиции об обнаружении в Тифлисе печатных воззваний от имени «Союза городовых» с профессионально-экономическими требованиями и угрозой забастовки в случае их неисполнения. В Киеве личный состав городского управления выступил с требованием освободить их от заданий, отнесенных к сфере деятельности политической полиции²⁰.

В столичной полиции в это же время началось движение за создание профессионального союза. Помимо экономических требований нижние чины считали необходимым «вести вежливое обращение начальства с околоточными и полицейскими надзирателями, городовыми и смотрителями и отменить донныне существовавшее обидное, дерзкое, грубое, крикливое обращение, сопровождающееся разными угрозами»²¹.

Однако ни пометки Николая II на отчетах, передаваемые в соответствующие ведомства, ни работа Комиссии по реформе полиции в империи, ни Государственная дума не решили эту серьезную государственную и социальную проблему. А.А. Хвостов, занимавший пост министра внутренних дел с 7 июля по 16 сентября 1916 г., на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии после Февральской революции показал, что собирався провести закон о новых штатах полиции помимо Думы по 87-й статье Основных законов. «Штаты полиции лежали в Думе много лет, – рассказывал бывший министр, – они там застряли, и я застал министерство внутренних дел в таком положении, что полиции почти не существовало... чины полиции прямо убегали... Если не ошибаюсь, в Петрограде чуть ли не 60 % городовых было в отлучке. Исходя из этого, я пришел к заключению, что вся полиция может разбежаться, т.к. оклады действительно ничтожны, и что нужно, в виду экстренной меры, ввести новые штаты полиции»²². Однако Хвостов так и не успел провести новый законопроект через Государственную думу. Последнему министру внутренних дел А.Д. Протопопову удалось провести его через Совет министров. 30 октября 1916 г. Николай II утвердил положение «Об усилении полиции в 50-ти губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». Решающим фактором при принятии этого решения стала забастовка полицейских в Москве²³.

Пророческими в свете дальнейших событий оказались слова Джунковского, которыми он закончил свой отчет за 1910 г.: «Дерзая... занимать столь продолжительное время Всемилостивейшее Вашего Императорского Величества внимание, я черпаю надежду на Высочайшее снисхождение Ваше, Государь, единственно в том соображении, что вся государственная и общественная повседневная жизнь полна этих мелочей, неустранение коих является всегда причиной крупных осложнений в будущем»²⁴.

Примечания

- ¹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 104. Д. 42. Л. 2.
- ² ГА РФ. Ф. 826. Д. 107. Л. 26.
- ³ Там же. Л. 25об.
- ⁴ Там же. Л. 26.
- ⁵ Там же. Л. 27.
- ⁶ Там же. Л. 28.
- ⁷ Там же. Л. 27.
- ⁸ Там же. Л. 11об.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 826. Д. 45. Л. 237.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 826. Д. 107. Л. 22об.
- ¹¹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 96. Д. 753. Л. 1об., 18–18об.
- ¹² ГА РФ. Ф. 826. Д. 107. Л. 61об.
- ¹³ Там же. Л. 87.
- ¹⁴ Там же. Л. 126.
- ¹⁵ Там же. Л. 118.
- ¹⁶ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 96. Д. 753. Л. 39об.
- ¹⁷ Там же. Л. 145.
- ¹⁸ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 101. Д. 283. Л. 3.
- ¹⁹ *Robbins R.* The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca (N.Y.). 1987. P. 184–186.
- ²⁰ *Реент Ю.А.* Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900–1917 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 319.
- ²¹ Там же.
- ²² Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Т. 5. М., 1925. С. 463.
- ²³ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 366.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. 826. Д. 107. Л. 94.